

УДК 316.334.4

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины*

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

*кандидат социологических наук, декан фа-
культета социальных наук и социальных
технологий НаУКМА, старший научный
сотрудник отдела социальных структур
Института социологии НАН Украины*

Концепция институционально воспроизводимых социальных неравенств

Аннотация

В статье обсуждаются некоторые современные трактовки понятия “институт”, а также вводится доминирующее допущение, ограничивающее вариативность интерпретации этого понятия. Воспроизводство множественных неравенств имеет превалирующее институциональный характер. Это означает, что социальные институты в контексте данной концепции берутся синхронно — как воспроизводящие или модифицирующие неравенства, углубляя или сглаживая их. Институты трактуются как активные субъекты, агенты воспроизводства неравенств, а также формирования у индивидов способов восприятия неравенств, установок и оценок собственного положения и статуса в обществе. Описанная в статье схема институционального воспроизводства множественных неравенств содержит такие основные составляющие: социальный институт, блага/ресурсы, режимы репликации неравенств, режимы модификации неравенств, взаимодействие с другими институтами, множественные стратификационные порядки, индивиды.

Ключевые слова: *социальный институт, стратификация, мобильность*

В той области социологического знания, которую в научных публикациях и учебной литературе — иногда без оговорок, способных надолго отложить начало разговора по существу, но часто и несколько поспешно, без над-

лежащего обоснования или же по некритической привычке — именуют “теорией стратификации”, наличествует помимо прочих, бесспорно, особенно интригующая нас область неопределенности. Тогда как виды, критерии, причины, явные и латентные следствия неравенств [Anthias, 2001; Halcli, 2000], метаморфоз социально-экономической стратификации в первое десятилетие текущего столетия все еще обсуждаются достаточно подробно [Babones, 2009; Bértola, 2009; Rasler, 2009; Rohrbach, 2009], ведь социологическая традиция тут богата и ее эвристический потенциал не оспаривается сколько-нибудь радикально (см. обзор нескольких монографий в: [Wakeling, 2008]), то вопрос о том, каким именно образом и способом в обществе воспроизводятся, модифицируются и легитимируются множественные неравенства, или не ставится вовсе, или же ответ оказывается, как правило, не более чем малосодержательной отговоркой. Разумеется, приоритет социальных институтов в столь сложном для наблюдения, описания, а также интерпретации процессе не оспаривается. Но общая схематика и социальная динамика происходящих между ними при этом взаимодействий, игр, конкуренции и борьбы в установлении, коррекции, оправдании или стигматизации неравенств не прояснены даже в первом приближении.

А если так, то “первое приближение” и есть приемлемой научной амбицией в сложившейся и воспроизводимой познавательной ситуации. И начинать уместно, конечно же, с концепции — некоего подобия если и не языка, то достаточно развитого словаря, позволяющего помещать и удерживать предмет рассмотрения в поле исследовательского интереса и формулировать имеющие смысл и значение высказывания о нем. Последнее оказывается возможным потому, что концепция содержит основания, предпосылки, намерения относительно возможных и допустимых вопрошаний о предмете, а также предполагаемых направлений поиска релевантных истолкований. В представляемом тексте обсуждаются некоторые трактовки понятия “институт” (а), вводится доминантное допущение, ограничивающее вариативность интерпретации понятия (б), описывается схематизм институционального воспроизводства множественных неравенств (в).

Что такое институт

В начале прошлого десятилетия Раймо Туомела публикует книгу, в которой обобщает значения понятия “институт” в социально-гуманитарных науках и развивает философскую теорию производства и воспроизводства институтов [Tuomela, 2002]. В его трактовке, институт — это устойчиво повторяющиеся коллективные действия (социальные практики), основанные на коллективном одобрении и согласии относительно их приемлемости. Книгу, как и следовало ожидать, завершает классификация институтов, состоящая из четырех видов практик разной направленности и степени общности: 1) институты как нормативно регулируемые практики; 2) институты в виде институций, приписывающих новый концептуальный или социальный статус некоторым телам — людям, объектам, активности; 3) институты в виде институций, приписывающих новый деонтический статус (и статус функционирования) членам тех или иных общностей; 4) институты как организации в виде позиций и целе-правовых систем [Tuomela, 2002: р. 235–236].

“Что такое институт” — именно под таким названием в № 8 “Вопросов экономики” за 2007 год напечатаны переводы статей философа Джона Сер-

ла [Серл, 2007] и известного теоретика неонституциональной экономики Джеффри Ходжсона [Ходжсон, 2007], первоначально появившиеся в “Journal of Institutional Economics” в 2005 и 2006 годах соответственно. Весьма красноречивое обстоятельство: незавершенность спора относительно определений этого ключевого понятия в данной отрасли экономической науки вовсе не препятствует Стокгольмскому банку в 1994 и 2009 годах присуждать новым институционалистам премии имени Альфреда Нобеля. Бесспорно поучительный жест, адресованный исследователям, — расходитесь в определениях и организуйте научный поиск так, чтобы обнаруживать новое и необычное.

Бесплодно входить в подробное рассмотрение сходств или отличий в трактовках философа и экономиста, поскольку они столь несопоставимы, что и не предполагают какую-либо степень взаимодополнительности. Между тем отнюдь не парадоксальной видится одновременная правота их обоих. Более того, ощутимым, если не вполне очевидным, станет то, что для компетентного наблюдателя тем самым расширяется возможный спектр нетривиальных интерпретаций фактов институционального характера и рода. Но поскольку оба автора крайне редко апеллируют к работам социологов, да и то не по первостепенным аспектам обсуждения проблемы институтов, постольку восполним подобный пробел, оставаясь исключительно в пределах социологии и пребывая в убеждении, будто тут трактовка институтов гораздо более обстоятельна.

Мало кому известно, что самое существенное о социальных институтах в нашей науке Ян Щепаньский изложил всего на 6-ти страницах своей пропедевтически ориентированной книги полувековой давности “Элементарные понятия социологии” [Щепаньский, 1969]. По крайней мере, таково наше впечатление после просмотра множества работ по институциональному анализу отечественного и зарубежного происхождения. И потому уместно напомнить эти констатации и обобщения. По Щепаньскому, всю совокупность значений понятия “институт” позволительно свести в четыре категории: 1) термин “институт” может относиться к определенной группе лиц, призванных к выполнению дел, важных для совместной жизни, и тогда институтом называется определенная группа людей, выполняющих общественные функции; 2) этим термином обозначают определенные организационные формы комплекса функций, выполняемых некоторыми членами группы от имени всей группы; 3) иногда этим термином обозначается совокупность материальных учреждений и средств деятельности, позволяющих некоторым уполномоченным индивидам выполнять общественные безличные функции, имеющие целью удовлетворение потребностей или регулирование поведения членов групп; 4) иногда институтами называются некоторые социальные роли, особенно важные для группы.

В приведенном перечне легко различим акцент на функциональной природе (происхождении и предназначении) институтов, что вполне понятно, поскольку доминирующей парадигмой в социологии тогда был структурный функционализм. Но не только это вычитывается сегодня, как и раньше, из реферируемого сюжета. Вот лишь три простейших наблюдения. Правомерно считать институтами: 1) такие группы людей, как “священники”, “бюрократы”, “интеллектуалы”, “элита”, “военные”, “лоббисты”; 2) отдельные организации и объединения — например партии, профсоюзы, фирмы (в указанной статье Джеффри Ходжсон критикует Дугласа Норта

за то, что тот наряду с правилами не причисляет организации к институтам; последний же в приложенной к статье переписке между ними оправдывается, что для целей его анализа это вовсе не требуется); 3) институтом уместно именовать и совокупность организаций, каждая из которых распоряжается ресурсами (объединением разных организаций является, скажем, государство); 4) отдельные роли в качестве института, да и весь их возможный репертуар, исполняемые в контексте, которым оказывается легитимная система ценностей, норм и правил, так что роль является их доступной наблюдению репрезентацией. И потому социологам несколько удивительны те усилия, которые прилагаются новыми институционалистами для того, чтобы убедить самих себя и представителей смежных дисциплин в институциональной природе правил и норм, а также, к примеру, организаций, как читаем об этом в сохраняющей актуальность статье Евгения Головахи и Наталии Паниной о процессах деинституционализации [Головаха, Панина, 2001: с. 5–22].

Итак, в наличии не меньше 4-х “разновидностей” институтов. Вместе с тем в разных сочетаниях или все вместе они также характеризуют институт: государство состоит из организаций, категорий населения, его можно описывать через выполняемые функции (генерализованные роли); семья есть малая группа, регулируемая ценностями и нормами, характеризуемая распределением ролей — и т.п. Отсюда следует, что существуют институты, состоящие из других институтов, но также и “состоящие” только из самих себя. Не случайно одна из возможных классификаций институтов, восходящая к Герберту Спенсеру и его “Принципам социологии” и предполагающая именно констелляцию “разновидностей”, представлена на указанных страницах книги Щепаньского. Кроме того, все вместе институты образуют некий ансамбль, в котором одни институты “сильнее” и “главнее” других, превосходя их масштабом управления социальными и материальными ресурсами, обладая более высоким престижем и репутацией, иначе говоря, способностью и потенциалом влиять на социально значимые параметры и содержание совместного существования индивидов в целом или в отдельных сегментах социума.

И наконец, еще раз, но в новом ракурсе, о социальной роли. Если уж мы находимся в рамках социологии, то в разговоре о ролях и ролевых комплексах неизбежно будет затронут и статус, поскольку, согласно Ральфу Линтону, роли являются динамическими аспектами статуса. Для социолога роли не первичны, они производны или вмонтированы в стратифицированные позиции (статусы в их материально-вещественной идентификации). Джон Серл, кстати, в своей статье настаивает на принципиальном значении статуса и статусных функций, то есть ролей, в конституировании институциональных фактов. При этом статус трактуется им как коллективно предписанное некоему материальному объекту значение (социально-символическая идентификация статуса), которое никак не соотносится с его физико-химическими и прочими свойствами: так листки бумаги с соответствующими знаками однажды становятся деньгами [Серл, 2007: с. 12–15].

Для Дж.Серла статус наряду с коллективной интенциональностью и приписыванием функций служит логическим распознавателем — тем, с помощью чего институциональные факты отделяются от не являющихся таковыми и включаются в поле социальной науки. Как известно, и Эмиль Дюркгейм, обосновывая научность социологии, видел ее предметом исключительно социальные институты [Дюркгейм, 1991: с. 405] и настаивал на

овладении умением отличать их от “неинститутов”. Институтами он предлагал считать кристаллизованные от постоянного употребления и передачи от поколения к поколению способы действовать, чувствовать, понимать, объяснять, веровать и доверять: такие себе массовые и коллективные репрезентации, неподатливые и настойчивые в присутствии, что и позволяет трактовать их как вещи. Для вступающих в жизнь они оказываются силами, подчиняющими и принуждающими, им скорее следуют, им скорее подражают, чем их ограничивают или даже изменяют. И не стоит удивляться тому, что в XX веке в мейнстриме французской социально-гуманитарной жизни постоянно пребывают социальные институты.

К сказанному в “Элементарных понятиях социологии” об институтах бегло, даже закодированно, немного удастся добавить, хотя такая попытка нами уже предпринималась [Макеев, 2003]. Напомним прежде всего о чувственно-сверхчувственной природе институтов, в которой пропорции материально-вещественного и ценностно-символического варьируют от института к институту, вплоть до доминирования одного или другого. Подробно об этом аспекте говорит Корнелиус Касториadis, хотя понимание смысловых оттенков и различий, насыщающих текст об институциональном представлении общества, не являет собой легкое предприятие и приходит, оттого, далеко не всегда [Касториadis, 2003]. Тем не менее невозможно изучать институты или даже бегло описывать их, абстрагируясь от “трансцендентной составляющей” в виде ценностно-символических структур и элементов.

Институт, как правило, представляет сложное, то есть дифференцированное и стратифицированное образование, характеризующееся той или иной степенью интегрированности. Выяснение механики, органики, химии и алхимии его работы способно стать увлекательным научным приключением. Однако большинство исследований ориентированы все же на фиксацию и интерпретацию результатов деятельности институтов как генеративно-регулятивных структур. Все еще полезно, даже ввиду банальности и истертости подобной процедуры, различать институты формальные и неформальные. А также расширять и конкретизировать перечень функций, воспроизводящих социальный порядок: предписывать (обязывать, разрешать и запрещать), легитимировать, стратифицировать (предоставлять льготы, вводить ограничения, создавать трудности, неравномерно распределять, приписывать статусы, стигматизировать), дифференцировать (создавать новые возможности и шансы), санкционировать, интегрировать, социализировать, поддерживать. При этом далеко не всегда сфера легитимной (предписанной) компетенции института совпадает с реально освоенной: и превышение полномочий, и их недоиспользование не столько вероятны, сколько нормативны.

Институты, таким образом, каждый в отдельности или в кооперации с другими производят/воспроизводят “институциональные артефакты”. Причем в рамках институционального анализа не принято говорить о патологиях или фатальных отклонениях от нормы: неоспариваемое присутствие института в магме социальной жизни свидетельствует о его соответствии, безразлично полном или частичном, иным институциональным образованиям, о его органической включенности в “социальную систему”. И тогда обнаруживаемые исследователем продукты его функционирования, социальные факты как “вещи”, предстают такими результатами генеративной или репродуктивной работы институтов, которым не стоит спешить давать оценочные определения.

В общем, более или менее ясно, что следует и допустимо именовать институтом. Тем не менее целесообразно оговорить также неизбежные упрощения и допущения, имманентно присущие познавательному действию в науке вообще и в социологии в частности.

Доминантное допущение

После ряда опубликованных монографий о подвижном обществе и составляющих его элементах Джон Урри в относительно недавней статье в соавторстве с Моникой Бюшер формулирует в придачу еще и “парадигму мобильности” [Büscher, 2009], напоминая о не очень распространенной в нашей дисциплине конструкции, организующей работу исследователя и связанной своей неизбывной популярностью Томасу Куну [Кун, 1977]. Однако независимо от того, называть ли понятийно-терминологическое построение парадигмой или концепцией, формулируется ли оно изначально с целью оптимизации научного поиска или же экстрагировано из исследовательской практики ученого (группы ученых), в его составе наряду с особо важными компонентами всегда представлены некие допущения ограничительного и предписывающего свойства.

Если бы в научной периодике о них принято было предупредомлять, то это упредило бы многие последующие недоумения и сомнения читателей, критиков, коллег. Между тем допущения и вводятся для того, чтобы с самого начала было понятно, о чем пойдет речь главным образом, о чем будет сказано вскользь, а о чем вообще придется умолчать. Причем последнее не столько потому, что нечего поведать, сколько по причине вынесения части сюжетов — иногда действительно значимых и серьезных — за пределы рассмотрения, с вытекающими из такого жеста преимуществами и издержками, предвидимыми, разумеется, не во всей полноте. При этом, вообще-то, имеется в виду тривиальная вещь: частная концепция не претендует на описание и объяснение всего сущего или же того, что ей, по аналогии, сходству, недоразумению, а равно и бесцеремонно некие добродоты — они же обыкновенно и недоброжелатели — попытались бы вменить в обязанность узнать и растолковать все и обо всем. Названное обстоятельство не стоило бы упоминания, если бы в пылу полемики относительно важного и второстепенного в теории и практике научной работы о нем не забывали в первую голову.

В случае воспроизводства множественных неравенств доминантным допущением является утверждение о его превалирующе институциональном характере. Отсюда ряд следствий, касающихся селекции релевантных тем и предметов для последующего обсуждения, а также полной — или в какой-то степени — дискриминации значимости прочих. В качестве иллюстрации — три наиболее существенных, хотелось бы думать, следствия.

Прежде всего, социальные институты в контексте данной концепции берутся синхронно, здесь и теперь, из чего вытекает, что тут неуместно спрашивать об истоках и условиях возможности возникновения неравенств, здесь для этого просто не предусмотрено ответа. Неравенства есть некий материал, который институты либо просто воспроизводят, либо модифицируют в том или ином направлении, углубляя или сглаживая неравенства, но в отношении этого материала не обладают статусом причины, утверждая его неинституциональное, как бы, происхождение. С исторической точки зре-

ния, это не совсем, а точнее, совсем не так, ведь, однажды возникнув, институт собственности, к примеру, сгенерировал неравенство — наблюдение, верность которого разделялась столь многими представителями социальных и гуманитарных наук, что список предпочтительнее и не открывать. Но в социологии, как известно, есть и образец негенетического анализа причин неравенства: структурно-функциональная теория социальной стратификации Кингсли Девиса и Вильфреда Мура, настолько уже давняя, что ныне и вспоминается лишь в учебниках и лекциях на начальных курсах социологических факультетов. Дискуссия по поводу ее принципов в середине прошлого века велась, как видится это сегодня, не столько по поводу их истинности или ложности, сколько относительно издержек, неизбежно сопутствующих принятому едва ли не априорно постулату, согласно которому стратификационные порядки производны от “значимости” конкретной социальной позиции для выживания общества.

Во-вторых, институты (и это отнюдь не новость в структурном подходе к изучению реальности) трактуются в качестве субъектов активности, то есть, воспроизводя неравенства, институты “действуют”. Между тем трактовка института как действующей инстанции нередко воспринимается с нарочитым упрощением и вызывает возражения на том основании, что ее (трактовку), полагаем, подозревают в претензии на непроверяемую онтологичность. Ром Харре, например, считает институты “дискурсивными категориями”, а их способность действовать относит к мифам о социальной структуре, ведь действующими субъектами могут быть только люди и их объединения [Harré, 2002]. Брюно Латур, в свой черед откликаясь на указанную интерпретацию, говорит о будто бы ничем не оправданной “спиритуализации” социальных структур — бесцельном, в лучшем случае исчерпавшем себя, эвристическом приеме [Латур, 2006].

Нечто озадачивающее, спору нет, содержит абстрактное само по себе допущение о причиняющем действии институтов: подозрение в некоем “социальном гилозоизме” приходит спонтанно и непринужденно. И кто же из не окончательно утративших чувство реальности не признает, что действуют не роли, правила, конвенции, организации, институты, но исключительно люди. В общем-то выполнимым видится исследование, позволяющее выявить людей и группы людей, чьи активность и настойчивость оформляются в установки и инструкции, имеющие обязывающую и предписывающую силу для тех, кто входит в сферу компетенции того или иного института. Однако законы, постановления, инструкции крайне редко являются именными, институты фактически деперсонифицируют активность людей. И потому высказывание “институты действуют” не имеет, в нашем случае по крайней мере, онтологического статуса, оно лишь маркирует направление познавательного интереса исследователя, поскольку изучению подлежат содержание и исходы институционально инспирированного влияния, а не интересы людей (групп людей), имеющих возможности и ресурсы их институциональной реализации или институционального лоббирования.

В-третьих, устанавливая дифференцированный доступ к жизненно важным ресурсам и, по сути, локализуя индивидов в пространстве множественных неравенств, институты прививают индивидам способы восприятия неравенств, а также оценки собственного положения и статуса в обществе. Имеется в виду и тот процесс формирования набора стратифицирован-

ных ценностей, смыслов, установок, который Джеффри Александер называет значимым конструированием неравенств, репрезентированных инкорпорированными в ходе социализации и откорректированными обретенным жизненным опытом пребывания в социально гетерогенном мире значениями, которые циркулируют также и в масс-медийно опосредованной публичной сфере, то есть институционально легитимируются [Alexander, 2007].

В социологических опросах, собственно, собирается информация преимущественно о том, как респонденты видят и оценивают неравенства (оправдывают их или негодуют вследствие продуцируемого ими дискомфорта), каковы ожидания и надежды граждан на регулятивное вмешательство институтов в актуально складывающуюся ситуацию с социальным неравенством. В этом случае исследователь составляет не сколько-нибудь точный отчет о “реальном положении” дел относительно того, как институционально воспроизводятся неравенства, но усредненную картину восприятия продуктов подобной деятельности в социально неоднородном социуме. Несмотря на скудные, точнее — весьма неопределенные, возможности ее использования в институциональном анализе, значение подобной информации неоспоримо, хотя в научных публикациях она редко интерпретируется с тем умением, которое было бы адекватно ее позитивно предполагаемой или же только мнимой содержательной состоятельности.

Схематизм неинвариантной репликации неравенств

Третий элемент концепции — схематизм институционального воспроизводства неравенств. В специальной литературе в схожих обстоятельствах чаще говорят о “механизмах”: “реальном” (онтологическом), “объяснительном” и “эвристическом” механизмах. Имеется в виду совокупность понятий и терминов, позволяющих наглядно представить, “как нечто работает”, а значит — предъявить претендующее на убедительность описание взаимодействия неких собранных воедино “частей”, исходы которого предсказуемы с высокой вероятностью. Его интерпретационный потенциал в философском ключе обосновывает в своих работах Марио Бунге [Bunge, 2004], а в более эмпирическом плане Чарльз Тилли с коллегами, чей вклад в распространение и утверждение объяснительных процедур в социальных науках оценивается позитивно (см.: [Demetriou, 2009]). Не претендуя ни на что подобное, предложим менее претенциозную конструкцию.

Как в рамках социологии, так и в пределах экономической науки, имеет место пока что несокращаемый дефицит знаний о том, каким образом институты воспроизводят неравенства. Поэтому уместно снизить уровень притязаний и хотя бы в самых общих чертах разглядеть и описать этот не улавливаемый и не просматриваемый во всех подробностях процесс, о чем уже доводилось говорить в другой публикации [Оксамитная, 2010], в виде наглядного изображения взаимодействия институтов. Расположенная ниже схематичность (рис. 1) созвучна тому “дескриптивному повороту” в естественных и социальных науках, который столь настойчиво и складывается впечатление, небеспричинно, популяризирует Майк Саваж [Savage, 2009]. К тому же описательность и наглядность, легитимировавшие свое пребывание в научных публикациях и презентациях, поддерживаются растущей популярностью теории сложности (complexity theory) с ее акцентом на нелинейной динамике и

особым языком интерпретации наблюдений [Сарга, 2005]. Быть убедительным сегодня, удовлетворять притязаниям на объяснительную значимость уже невозможно без того, чтобы не показывать на графиках и в рисунках точки, пики, спады, направления, последовательности — материализовавшиеся следы корректных и более или менее затейливых вычислений. А иной раз и одного этого оказывается вполне достаточно.

Рис. 1. Институциональная репликация и модификация социальных неравенств

Блага/ресурсы. Институтам присущи свойства, характеристики и особенности, которые воссоздают и удерживают в относительном постоянстве режимы и образцы стратифицированного доступа индивидов и общностей к значимым благам. Неравенство, как всем известно, представляет собой относительно устойчивую диспропорцию в обладании ими или в доступе к ним (диспропорцию в шансах вступить в обладание). Благ, относительно которых индивиды реально стратифицированы, очень много, и только в конкретной познавательной ситуации они подлежат операциональным определениям. За ее пределами не избежать упрощений, позволяющих и в целях наглядности, и по существу реконструировать обозримое и связанное концептуальное представление об институционально репродуцируемых неравенствах. Классики социологии, но не в меньшей степени современные теоретические и эмпирические разыскания, выработали и передали для использования вполне удовлетворительные перечни благ, которые оставляют нас в уверенности, что институты являются тут доминантными инстанциями. Доминантными потому, что создают и поддерживают ценностно-нормативную среду, упорядочивающую конкуренцию за одно или несколько благ (ресурсов, шансов), формализующую правила доступа к ним, поведения заинтересованных агентов и способы разрешения неизбежно возникающих при этом конфликтов.

То, что сегодня в социально-гуманитарных науках принято понимать под “институтом”, оказывается дифференцированным единством — генерализацией весьма отличающихся определений. Таковы же и блага; они отнюдь не целостны, но фрагментированы и воплощаются в более частные материально-вещественные и социально-символические образования. В какие именно, надлежит устанавливать в ходе направленного эмпирического обследования, здесь же достаточно указать на неоднородность генерализаций. Не составляет проблемы и полнота перечня, ведь речь пойдет о том, что непременно попадает в фокус стратификационных исследований, что в равной мере хорошо специфицирует неравенство в любом обществе и характеризует роль институтов в его конституировании. Или, иначе, речь идет о структурированных перспективах неравенств, абстрактно-обобщенных системах стратифицирования. Вот эти блага: *богатство* (денежные доходы, собственность, акции, недвижимость), *власть* (политическая, экономическая, в семье), *честь и слава* (престиж, репутация, авторитет), *знание* (компетентность), *информация*. Первые три из них (богатство, власть, честь и слава в терминологии, введенной Максом Вебером) дефицитарны по природе и оттого их невозможно разделить между всеми поровну. Они же, как убеждают нас в том самые авторитетные мыслители прошлого и настоящего, являются первостепенными объектами желаний, домогательств и притязаний людей.

В первом десятилетии текущего столетия давно сформировавшаяся точка зрения на центральность данных благ в стратификации и дифференциации совместной жизни отвердела в социальную константу, в *ad hoc* принимаемое утверждение. Глобализация как воплощение и выражение претензий на влияние наднациональных регуляторов социально-экономических процессов в названной локализации ничего, по сути, не меняет. В рамках критической парадигмы в социальных науках Нэнси Фрейзер в изданной в 2008 году книге [Fraser, 2008] говорит о трех шкалах (измерениях) справедливости стремительно глобализирующегося мира. Имеются в виду:

шкала перераспределения доходов с явно обозначившейся тенденцией к маргинализации и даже социальной эксклюзии из современных дебатов, а также из реальной политики редистрибуции проблемы “глобальной бедности” [Fraser, 2010]; шкала перераспределения чести и славы, поскольку актуализируются проблемы признания множественных идентичностей и различий; шкала перераспределения власти, ведь в современном мире равную с демократическим механизмом ротации значимости властвующих элит приобретает проблема представленности интересов различных групп и категорий населения в сфере политического.

Наука о размещении ограниченных или дефицитных ресурсов — это экономика. Политическая экономия, по крайней мере в ее критической версии, всегда была и остается наукой о власти и морали [Сох, 2002]. Но также честь и слава (престиж, статус, авторитет, признание, репутация) в качестве дефицитного блага предполагает, что показали в своей книге Джеффри Бреннен и Филип Пети такую дисциплину, как “экономика оценок” с развитой структурой определений, констатаций, предположений и выводов [Brennan, 2004]. Публичная сфера — вот то пространство, в пределах которого институты, прежде всего государство, рынок, гражданское общество, выносят оценки и притязают на них. Место, обслуживаемое медиа, где должно и дозволено восхвалять, превозносить, славословить, идеализировать, рекламировать. Но также — инкриминировать, порочить, осуждать, посрамлять, пристыжать, усовеживать, стигматизировать [Brennan, 2004: p. 243–321].

Несколько иначе обстоит дело с двумя иными благами. Знания не дефицитны и не утаиваются, но доступ к ним произведен от статуса и дееспособности институтов, распоряжающихся или управляющих этим ресурсом. Скажем, овладеть профессией (приобретать знания и навыки) предпочтительнее (для будущей карьеры в первую голову) в престижных, с лучшим преподавательским составом учебных заведениях, которые славятся и жесткими критериями отбора абитуриентов. В результате стратифицированная аллокация знаний между индивидами является системной характеристикой института образования едва ли не на всех организационных уровнях — от детских садов до высших учебных заведений. И потому, даже если, как утверждали на рубеже веков многие обществоведы, набирает размах и темпы процесс перехода к “обществу знаний”, к “экономике знаний”, то он вовсе не отменяет неоднородное размещение данного ресурса.

Отдельные массивы информации — по разным, вероятно, и обоснованным, причинам, но также и вследствие производимых институтами преград и ограничений, закрытий и сокрытий — не выставляются на всеобщее обозрение, или же доступ к ним с большей или меньшей степенью жесткости регулируется. В социологических и политологических профессиональных кругах давно ведутся дебаты о статусе, к примеру, персональных данных, интеллектуальной собственности и степени их защиты, о необходимости более детальных сведений о деятельности органов власти по управлению “общими ресурсами” — лесами, наземными водоемами и подземными источниками воды, землей. Другими словами, далеко не очевидно, что сегодня в сфере информации определено и точно может и должно быть “общим”, а что оставаться “приватным” и “секретным” (для примера см.: [Hess, 2003]). Все еще на слуху и разразившийся осенью 2010 года скандал вокруг Интернет-портала “WikiLeaks”, опубликовавшего не подлежащие распро-

странению документы дипломатических и военных ведомств ряда стран. В Украине, в дополнение к проблемным ситуациям, производным от развития цифровых технологий и “мировой сети”, есть и своя особенность. Здесь, напомним, половина экономики официально признана “теневой”. Весьма приблизительно это означает, что государственная статистика “знает” только о половине произведенных товаров, услуг, доходов граждан и организаций, а также о потреблении населением товаров и услуг — таков намеренный и непредумышленный в одно и то же время эффект “тенизации” статистико-экономических сведений.

В государстве, таком как украинское, прививающем к своим традиционным социальным и экономическим структурам принципы и механизмы рыночного хозяйствования, непредвидимые и неожиданные вещи происходят чаще, чем ожидается. Наряду с теневой составляющей сфер производства и потребления, отсутствуют традиция и правила, которые устанавливают, какие блага и их разновидности могут и должны распространяться посредством рыночных процессов, а какие — не могут и не должны. Если в развитых западных странах в ходе кризиса 2008–2009 годов государство решительно вмешалось в работу рынка, то в Украине превращение услуг и ресурсов в товары происходит и официально, и неформально, но одинаково непредсказуемо в обоих случаях. В силу этого исследователю полезно быть подготовленным к тому, что тенденции коммодификации в той или иной мере, явно или же латентно, захватят и знания, и информацию, и оценки, и власть, а также попытаться выяснить, где, как и в каких объемах.

Репликация/модификация неравенств. Институты, в неравных пропорциях распределяя перечисленные ресурсы, формируют стратификационные порядки или множественные неравенства — в нашем случае пять вариантов неоднородного размещения между индивидами и сообществами привилегий и тягот. Если взять в целом, то дело обстоит так, что одно благо может распределяться несколькими институтами или же, напротив, один институт осуществляет локализацию нескольких дефицитных благ. Скажем, знание распределяют как государство, так и рынок — через коммерческие и государственные высшие учебные заведения. Иначе говоря, ни один институт не владеет монопольно ни одним благом, разве что только одним или несколькими материально-вещественными или символическими разновидностями. Так, например, единым и единственным депозитарием орденов и медалей как знаков доблести, заслуг и отличий является государство. Однако как все в действительности происходит, что за взаимодействия при этом возникают и какие исходы наблюдаются, проясняет только анализ обстоятельств, свойственных месту и времени осуществляемых наблюдений.

Тем не менее ясно, что сам акт распределения — нехолостой ход работы механизма институциональной генерации и репликации неравенств — предполагает, как показал Йон Элстер: а) наличие явно сформулированных или же латентных предпочтений относительно того, какие индивиды или общности и в силу каких обстоятельств станут адресатами привилегий, а каким достанутся преимущественно тяготы; б) трансформацию предпочтений в декларируемые принципы и рутинные процедуры; в) кодификацию в виде постановлений, распоряжений, законов; г) исходы, то есть реально наблюдаемое неравенство, сглаживание проблем или их усугубление, которые

допускают сопоставление с декларируемыми принципами и намерениями [Elster, 1992].

Множественные порядки неравенств — ни по отдельности, ни все вместе — заведомо не являются балансом индивидуальных или коллективных интересов. Напротив, они формируют области напряжения с либо пробивающимися на их поверхность конфликтами, либо затаившимися в ее латентных зонах. Индивидам, сообществам, организациям прямо или опосредованно предлагается или примириться с устанавливаемыми порядками, или изменить их, или же изыскать средства и ресурсы, чтобы компенсировать (демпфировать) материальные и моральные издержки вовлеченности в ситуации неравенства путем введения льгот и преимуществ под маркой “социальной защиты населения”. Между тем естественная интенциональность институтов имеет преимущественно консервативный характер, не в последнюю очередь вследствие инерционности институционального механизма. Располагая средствами, чтоб отслеживать, фиксировать и анализировать динамику множественных неравенств, институты осуществляют контроль за относительной стабильностью всей совокупности множественных неравенств посредством позитивных и негативных санкций. Впрочем, каковы тут реальные практики, надлежит исследовать отдельно.

Тем не менее репликация неравенств заведомо неинвариантна. Можно и иначе: неравенства институционализированы, а значит, сложился и функционирует механизм их воспроизводства. И далее, неравенства институционализируются, а потому механизм воспроизводства едва ли не перманентно модифицируется, ведь институты обладают кодифицированными и неформальными возможностями инициировать, продвигать, законодательно оформлять и укоренять изменения в стратификационных порядках, придавая множественным неравенствам новые подразделения и конфигурации. Возбуждение такого рода активности оказывается прерогативой лоббистских групп (фракций в парламенте, например), профсоюзов, объединений работодателей, не исключается также, что такая активность окажется вынужденным ответом на вызов и давление спонтанно и непредсказуемо возникающих и укореняющихся “новых” неравенств.

Оттого область неравенств упорядочена относительно: здесь устоявшаяся иерархия непрерывно подвергается политическому, социальному, экономическому сомнению со стороны официальных и анонимных инстанций влияния, а при открывшейся возможности — переиначиванию. Однако в целом модификация безусловно запаздывает, а ее суммарный эффект противоречив: в последние два десятилетия в развитых западных обществах возросло неравенство между первой (высшей) и десятой (низшей) децильными категориями по доходам, а также несколько уменьшалось между средними. Впрочем, это не отменяет гипотетической возможности параллельного функционирования механизмов репликации и модификации.

Подобная воспроизводственная “машинерия” имеет еще одно измерение. Преднамеренно или волюнтаристки, но стратифицированное распределение продуцирует ситуацию обмена. Проблема того, что и в каких пропорциях разделено, безусловно важна, однако ситуацию неравенства не исчерпывает. Перемещение блага (ресурсов, шансов) из одного депозитарного места в иное конституирует как минимум двух контрагентов (институт vs индивид, социальная категория, организация или совокупность организа-

ций, правила и нормы), устанавливает баланс эквивалентности/неэквивалентности обмена, подтверждает правила, которым подчиняется обмен, формирует ожидания относительно будущего поведения контрагентов. Навивно полагать, будто очевидно и исчерпывающе понятно, что и на что обменивается в такого рода социальных транзакциях, с какими издержками и надеждами на будущие обретения. Здесь стоит предполагать также наличие “заднего плана” или же непредумышленных следствий. Предпочтительнее не найти никаких эмпирических подтверждений тому, что, к примеру, лояльность и конформизм не входят в расчет, чем заведомо исключить такого рода возможность. Причем сами лояльность и конформизм как латентные конвенции, задающие параметры и режимы взаимодействий, суть лишь структурные свойства анализируемой ситуации, но никак не оценки.

Взаимодействие между институтами. Общим местом учебной и научной литературы является утверждение, согласно которому институты представляют собой коллективно изобретенные способы решения социальных проблем. Но проблема неравенства принадлежит к разряду “неразрешимых”: ничего не известно ни о теоретических основаниях, ни об эмпирических свидетельствах, указывавших бы на устойчивые тренды становления эгалитаризма. Так, рынок в качестве социального института непрерывно генерирует неравенство в вознаграждениях и “заинтересован” в его воспроизводстве в целях поддержания мотивации участия и трудовой активности индивидуальных (люди) и институциональных (организации) участников конкурентной среды. Государство, как ему и положено, стратифицирует, но и попечительствует, смягчая и компенсируя складывающиеся неравенства между теми или иными общностями и социальными категориями в рамках планируемой и реализуемой социальной политики. Питер Дитч в своей информативной статье концептуализировал представления о том, как рынок генерирует неравенство в доходах, а государство через различные механизмы перераспределяет вознаграждения, исходя из принципов дистрибутивной справедливости [Dietsch, 2010].

В специальной литературе есть многочисленные примеры исследования того, каким образом институты размещают дефицитные ресурсы, а любая интернетовская поисковая система выдаст тысячи наименований. Так, Йон Элстер в уже упоминавшейся работе двадцатилетней давности выясняет, прибегая к каким процедурам и с каким конечным эффектом институты (все возможные организации) обеспечивают “локальную справедливость” в различных жизненно важных ситуациях — поступление в высшие учебные заведения, выбор пациентов для срочной пересадки органов, селекция работников, подлежащих временному увольнению. Вполне осуществимо планирование и выполнение исследования в формате case-study — как и поступал Элстер — роли всех возможных институтов в воспроизводстве конкретного неравенства. В формировании, скажем, доходов двух индивидов одной профессии (специальности) и квалификации участвуют государство (определение минимальной заработной платы, установление тарифной сетки); рынок (заработок в государственном и рыночном секторах экономики может быть разным); статус предприятия (размер, успешное или неуспешное и т.п.); профсоюзы, осуществляющие давление на работодателей и требующие повышения заработных плат и вносящие изменения в коллективный договор; местная власть посредством введения льгот или компенсаций.

Вступающие в силу ограничения на генерализацию выявленного баланса “вкладов” различных институтов не снижают ценности получаемой информации, что, кроме того, позволяет в деталях проследить едва ли не весь институциональный механизм производства неравенства в доходах в конкретной ситуации. Но позволяет только в принципе, как возможность. В конкретной практике исследований используемая первичная информация сама по себе способна вводить лимиты на то, какие институциональные эффекты удастся выявить и описать. Так, анализ неравенств в оплате труда разных профессий на основе обследования американских домохозяйств показал, что увеличение в последние тридцать лет неравенства между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми профессиями удовлетворительно объясняется институциональными изменениями в структуре экономики, в уровне образования рабочей силы, дерегулятивными мерами государства. Однако в этой исходной базе отсутствуют данные о размерах фирм и предприятий, в которых заняты респонденты, а значит, невозможно установить влияние организаций на внутрипрофессиональную стратификацию заработных плат [Mouw, 2010].

При этом в особый случай выделяются так называемые “переходные общества”, в которых постепенно или же иногда радикально преобразуется институциональная структура. Там, как показал Е. Головаха, возникают и действуют закономерности, не укладывающиеся в традиционные представления о линейности и преемственности, а их овеществленной производной оказываются институциональные амбивалентности с неопределенным и, видимо, принципиально не определяемым периодом частичного или полного распада. Более того, доминантный институт всегда налицо, диктуя и навязывая правила собственного функционирования всем прочим [Головаха, 2011]. Ныне таким институтом является рынок (собственность, бизнес — как бы ни именовать этот институт), предписывая коммерциализацию всех наличных и возможных взаимодействий между заинтересованными индивидами и их объединениями. Но что тут сказывается явственнее — доминантность одного института или же ситуационно обусловленная гибридность (амбивалентность) нескольких или даже всех основных институтов — можно обнаружить лишь в ходе тщательно продуманных и корректно осуществленных наблюдений. И, желательно, вне навязчивых диктовок повседневного личного опыта наблюдателя.

Индивиды. Предписывающий потенциал институционально воспроизводимых стратификационных порядков в отношении отдельных индивидов хотя и значителен, но не тотально императивен. Волонтаристское, то есть предполагающее выбор, поведение возможно и в порядках неравенств. Причем можно допустить, что и сама перспектива такого выбора институционально обусловлена. Присущая стратификационным порядкам конфликтность и относительная свобода действий индивидов означает, что и вся констелляция подобных порядков неравновесна, в ней в результате спонтанных действий или бездействия институтов, лоббистских групп и организаций, а вместе с ними и отдельных индивидов происходят более или менее заметные флуктуации различного масштаба и содержания. Другими словами, если и допустимо трактовать явные и латентные неравенства как устойчивую конструкцию, тем не менее в любой момент она в большей или меньшей степени “открыта” как для внешних воздействий, так и для индивидуального преодоления.

Социально-демографические характеристики индивидов (пол, возраст, национальность, тип поселения, регион проживания) во вторичном анализе данных количественных обследований обычно выступают в качестве “независимых” переменных. Выходит, что эти предписанные характеристики как бы структурируют, неоднородно размещают неравенство. В этом случае исследователь хотя и выполняет легитимную операцию, но обязан помнить о противоположном процессе: это именно неравенство посредством институциональных механизмов и схематизмов непропорционально распределено по названным характеристикам.

Индивиды, кроме того, занимают определенные позиции в стратификационных порядках. В рамках формулируемой концепции предполагается, что позиционирование произведено институционально. Так, классовая позиция в согласии с методологически и методически обоснованными показателями в варианте Эриксона, Голдторпа и Портокароеро обусловлена полученным образованием, местом на рынке труда, местом во властно-должностной иерархии конкретной организации. Когда в репрезентативных опросах респондентов просят разместить себя на воображаемой лестнице, то исходят из наличия у них довольно развитого “чувства места” и способности локализовать себя в порядках неравенства. Бесполезно, да и неправильно, задаваться вопросом о “точности” подобных локализаций, поскольку самостоятельной ценностью оказываются массово предъявляемые самоотчеты респондентов — почти дюркгеймовские способы чувствовать, то есть обретшие статус института индивидуальные восприятия и ощущения.

Институты предпочитают предъявлять порядки неравенств как требования социальной необходимости, укорененные в экономических и социальных ресурсных возможностях и общества в целом, и их самих. Будучи безусловно легитимными, они и собственные правила репликации и модификации стратификационных порядков наделяют едва ли не такой же безусловной легитимностью или, по крайней мере, “желали бы” такой безусловности. Но распределение преимуществ и тягот является одновременно распределением справедливости и несправедливости, на что индивиды, группы и организации отвечают культивированием особой чувствительности к неравенствам и формированием представлений о соотношении сущего и должного, придавая собственным ощущениям и впечатлениям форму выразительной, эмоционально окрашенной установки. Не случайно в международных (ESS, ISSP) и национальных мониторингах обязательно содержатся вопросы о том, в какой степени, по мнению опрашиваемого, справедливы или несправедливы отдельные неравенства или вся их совокупность. Получаемые ответы логичнее трактовать в качестве не смутных описаний индивидуально-внутренних состояний, но неких достоверностей, чего-то такого, что реально существует одновременно с людьми в этом мире. На такую онтологическую убежденность внешний наблюдатель (исследователь) вынужден отзываться эпистемологическим доверием.

И наконец, на ситуации неравенства люди способны отвечать действием, перемещаясь в пределах одного стратификационного порядка или между ними. П. Сорокин был первым, кто указал на институциональный характер социальной мобильности и на историческом и статистическом материале продемонстрировал, что подобное “массовое действие” наблюдается во всех типах обществ и в разные эпохи. В качестве института мобильность предполагает поддержку со стороны других институтов соответствующими возмож-

ностями и способами реализации. В современных условиях получение качественного образования зависит от культурного и материально-финансового потенциала семьи, а неоднородность института образования (высшего, общего среднего и профессионально-технического) ближайшим следствием имеет стратифицированное формирование компетенций и навыков индивидов, выходящих на гетерогенный по многим параметрам рынок труда.

* * *

Такова, в самых общих чертах, концепция институционального воспроизводства множественных социальных неравенств. Она не в состоянии предписать исследователю все содержание или полный порядок его действий по организации изучения того, как и какие именно институты размещают ресурсы (блага) и какие диспропорции (несправедливости) при этом возникают. Однако необходимые указания насчет открывающихся понятийных и терминологических перспектив концепция содержит, претендуя, тем самым, не более чем на инструментальную функциональность. Это область того, что подлежит тщательному обдумыванию и что в принципе рационализируемо; область, в которой полный перечень участников и объектов их воледелений вряд ли установим, к чему, однако, стоило бы все же стремиться; феномены, о которых можно связно говорить. Но равным образом это и область, в пределах которой о многих вещах и процессах думать и говорить не пристало, или крайне неуместно, или же попросту невозможно.

Источники

Головаха Е. Законы институциональных изменений / Е. Головаха // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. — 2011. — Вип. 28. — С. 9–13. — Серія: (Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи).

Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе / Е. Головаха, Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. — № 4. — 2001. — С. 5–22.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Дюркгейм Э. — М.: Наука, 1991. — С. 405.

Касториadis К. Воображаемое установление общества / Касториadis К. — М.: Гнозис: Логос, 2003. — С. 131–184.

Кун Т. Структура научных революций / Кун Т. — М.: Прогресс, 1977.

Латур Б. Об интеробъективности / Б. Латур // Социология вещей. — М.: Территория будущего, 2006. — С. 169–198.

Макеев С.А. Социальные институты: классические трактовки и современные подходы к изучению / С. Макеев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 5–20.

Оксамитная С. Институциональная среда воспроизводства социального неравенства / С. Оксамитная // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 4–28.

Серл Дж. Что такое институт? / Дж. Серл // Вопросы экономики. — 2007. — № 8. — С. 5–27.

Ходжсон Д. Что такое институты? / Д. Ходжсон // Вопросы экономики. — 2007. — № 8. — С. 28–51.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / Щепаньский Я. — М.: Прогресс, 1969. — С. 95–101.

Alexander J.C. The Meaningful Construction of Inequality and the Struggles Against It: A “Strong Program” Approach to How Social Boundaries Change / J.C. Alexander // Cultural Sociology. — 2007. — Vol. 1 (1). — P. 23–30.

- Anthias F.* The Concept of “Social Division” and Theorising Social Stratification: Looking at Ethnicity and Class / F. Anthias // *Sociology*. — 2001. — Vol. 4. — P. 835–854.
- Babones S.J.* Trade globalization and national income inequality — are they related? / S.J. Babones, D.C. Vonada // *Journal of Sociology*. — 2009. — Vol. 45 (1). — P. 5–30.
- Bértola L.* Income Distribution in the Latin American Southern Cone during the First Globalization Boom and Beyond / L. Bértola, C. Castelnovo, J. Rodríguez, H. Willebald // *International Journal of Comparative Sociology*. — 2009. — V. 50 (5–6). — P. 452–485.
- Brennan G.* The Economy of Esteem. An Essay on Civil and Political Society / G. Brennan, Ph. Pettit. — Oxford University Press, 2004. — 339 p.
- Bunge M.* How Does It Work?: The Search for Explanatory Mechanisms / M. Bunge // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2004. — Vol. 34 (2). — P. 182–210.
- Büscher M.* Mobile Methods and the Empirical / M. Büscher, J. Urry // *European Journal of Social Theory*. — 2009. — Vol. 12 (1). — P. 99–116.
- Capra F.* Complexity and Life / F. Capra // *Theory, Culture & Society*. — 2005. — Vol. 22 (5). — P. 33–44.
- Cox R.W.* The Political Economy of a Plural World. Critical Reflections on Power, Morals and Civilization / R.W. Cox, M.G. Schechter. — London : Routledge, 2002. — 232 p.
- Demetriou Ch.* The Realist Approach to Explanatory Mechanisms in Social Science: More than a Heuristic? / Ch. Demetriou // *Philosophy of the Social Sciences*. — 2009. — Vol. 39 (3). — P. 440–462.
- Dietsch P.* The market, competition, and equality / P. Dietsch // *Politics, Philosophy & Economics*. — 2010. — Vol. 9, № 2. — P. 213–244.
- Elster J.* Local Justice: How Institutions Allocate Scarce Goods and Necessary Burdens / Elster J. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 1992. — 283 p.
- Fraser N.* Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World / Fraser N. // N. Y. : Columbia University Press and Polity Press, 2008. — 224 p.
- Fraser N.* Injustice at Intersecting Scales: On “Social Exclusion” and the “Global Poor” / N. Fraser // *European Journal of Social Theory*. — 2010. — Vol. 13 (3). — P. 363–371.
- Halcli A.* Inequality and Mobilization in The Information Age / A. Halcli, F. Webster // *European Journal of Social Theory*. — 2000. — Vol. 3 (1). — P. 67–81.
- Harré R.* Social Reality and the Myth of Social Structure / R. Harré // *European Journal of Social Theory*. — 2002. — Vol. 5 (1). — P. 111–123.
- Hess Ch.* Ideas, Artifacts and Facilities: Information as a Common-Pool Resource / Ch. Hess, E. Ostrom // *Law and Contemporary Problems*. — 2003. — Vol. 66, № 1–2. — P. 111–146.
- Mouw T.* Occupations and the Structure of Wage Inequality in the United States, 1980s to 2000s / T. Mouw, A.L. Kalleberg // *American Sociological Review*. — 2010. — Vol. 75 (3). — P. 402–431.
- Rasler K.* Globalization and North–South Inequality, 1870–2000. A Factor for Convergence, Divergence or Both? / K. Rasler, W.R. Thompson // *International Journal of Comparative Sociology*. — 2009. — Vol. 50 (5–6). — P. 425–451.
- Rohrbach D.* Sector Bias and Sector Dualism: The Knowledge Society and Inequality / D. Rohrbach // *International Journal of Comparative Sociology*. — 2009. — Vol. 50 (5–6). — P. 510–536.
- Savage M.* Contemporary Sociology and the Challenge of Descriptive Assemblage / M. Savage // *European Journal of Social Theory*. — 2009. — Vol. 12 (1). — S. 155–174.
- Tuomela R.* The Philosophy of Social Practice: A Collective Acceptance View / Tuomela R. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 274 p.
- Wakeling P.* Social Inequality, Class, and the Classics / P. Wakeling // *Sociology*. — 2008. — Vol. 42 (4). — P. 760–766.